

П.В. Гращенков

К эволюции нефинитных форм глагола¹

Подробное рассмотрение этапов эволюции деепричастий в разных языках (достаточно подробное освещение получают русский и английский языки, также привлекается материал тюркских, осетинского и некоторых других языков) дает возможность утверждать, что деепричастия развивались из разных грамматических форм и в целом следовали разным сценариям. Несмотря на это, свойства деепричастий как типологически устойчивой грамматической категории позволяют сделать вывод об универсальности такого явления, как нефинитность, и большей близости нефинитных форм между собой.

Ключевые слова: деепричастие, нефинитность, PRO, языковые изменения, типология, русский язык, английский язык.

Деепричастия, герундии, конвербы регулярно выделяются в различных языках в качестве одной из наиболее типичных нефинитных глагольных форм. В данной работе исследуется вопрос о том, что представляет собой деепричастие и откуда оно появляется в некотором конкретном языке. В определенной степени работа продолжает серию исследований по структуре и типологии деепричастных форм, начатых в работах В.П. Недеялкова и М. Хаспельмата [10; 26]. Отличие данной работы от парадигмы, намеченной в указанных исследованиях, состоит в том, что основной акцент в ней сделан не на типологическом изучении деепричастий, а на их диахронии и, в несколько меньшей степени, – синтаксической структуре.

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ 11-06-00489-а и гранта РГНФ 12-14-16035.

Автор выражает большую признательность за предоставление источников и обсуждение древнерусского материала А.В. Сахаровой, Д.В. Сичинаве и Н.А. Седуковой.

Что такое деепричастие?

Чем руководствуется лингвист, называя определенную глагольную форму в некотором впервые описываемом языке «деепричастием»? Обратимся к конкретным примерам. Так, в грамматиках тюркских языков, созданных отечественными исследователями, деепричастиям приписываются следующие свойства: 1) они выражают действие «в отношении к другому действию»; 2) у них не бывает подлежащего (что, как отмечается, верно не для всех деепричастий); 3) они способны выражать одни грамматические глагольные значения (залог, отрицание) и 4) неспособны – другие, например, время; 5) синтаксически «выполняют функции соподчиненного сказуемого и обстоятельств», наконец, 6) сохраняют исходное глагольное управление [16, с. 223–229].

Одним из наиболее полифункциональных деепричастий является английский герундий. Форма на *-ing* в английском может быть употреблена в аргументной, обстоятельственной или определительной функции, при этом она допускает как употребление с нулевым субъектом, кореферентным подлежащему главной клаузы (1a), так и с выраженным субъектом, оформленным номинативом (1b), генитивом (1c) или аккузативом (1d):

(1) АНГЛИЙСКИЙ

- a. (When) **walking** through the tall grass, I tuck my jeans into my socks¹.

Гуляя по высокой траве, я заправляю джинсы в носки.

- b. **John doing** pull ups made me laugh, **Jack sleeping** made me smile.

То, что Джон подтягивается на турнике, рассмешило меня, а то, что Джек спит, заставило улыбнуться.

- c. I heard **his crying** and came to fix things.

Я услышал, что он кричит, и пошел на помощь.

- d. I would be too upset about **him not having** done it earlier.

Я была бы расстроена, что он не сделал этого раньше.

Герундий при этом сохраняет свойства глагольной группы: прямой объект может выражаться аккузативом, в качестве адъюнктов используются наречия, возможно использование показателей вида и отрицания (1d).

Русское деепричастие, напротив, является достаточно узкоспециальной грамматической формой. Оно употребляется лишь в обстоятельственной функции, всегда имеет невыраженный субъект, как правило, кореферентный подлежащему главной клаузы. При этом свойства глагольных

¹ Здесь и далее, если источник примера специально не указан, он собран автором. Английские примеры были собраны при помощи поисковых систем Google и Яндекс и в ряде случаев адаптированы.

групп, такие, как способность управлять аккузативом или выражать вид, сохраняются:

(2) РУССКИЙ

- a. Встречая друзей, гости радовались так, будто не виделись много лет.
- b. Встретив старых друзей и знакомых, Коля опять попадает в глупую ситуацию.

Требование невыраженности субъекта является достаточно строгим ограничением для многих деепричастных форм. Так обстоит дело со всеми русскими деепричастиями и, например, с тюркскими деепричастиями на *-п*:

(3) ТАТАРСКИЙ

??Ата баланы тун белән капла-п, эни арбага
Отец ребенка шуба с укрыть-Conv мать на.телегу
салды.

класть-Past

После того, как отец укрыл ребенка шубой, мать положила его на телегу.

В отличие от русского, в тюркских языках есть и другие деепричастные формы, которые вполне могут иметь собственный субъект:

(4) ТАТАРСКИЙ (МИШАРСКИЙ ДИАЛЕКТ)

tawuŝ-lar iŝete-l-m-i baŝl-a-gač
голос-PL слышать-PASS-NEG-ST начинать-ST-ANT
jaŋa-dan ber-gä žuj-y-l-dy-k.
новый-ABL один-DAT собирать-ST-PASS-PST-1.PL

Когда уже не слышны были голоса, мы опять собрались вместе.

Условие односубъектности с главной предикацией, впрочем, в ряде случаев может нарушаться и для таких типов деепричастий, как тюркские п-конвербы, ср.:

(5)

[4]

a. АЛТАЙСКИЙ

Dibe keli-p kar kajyl-dy
Весна приходить-Conv, снег растаял-Past.
Когда пришла весна, снег растаял.

b. ТАТАРСКИЙ

Karlar өre-p, agačlar bөrelen-de
Снег таять-Conv, деревья набухать-Past.
Когда снег растаял, на деревьях набухли почки.

Условия, определяющие возможность употребления п-конвербов с собственным подлежащим, сводятся к определенной семантической

связи между субъектами («часть-целое») или каузальной связи между предикациями [6; 11].

Деепричастия в разных языках сближает если не обязательное бес-субъектное употребление, то, как минимум, наличие некоторых ограничений на формы выражения субъекта. Как представляется, можно утверждать, что английский герундий, несмотря на все разнообразие способов кодирования подлежащего, подчиняется одному общему запрету: его подлежащее всегда выражено иначе, чем в финитных клаузах. Согласно примеру 1b, номинативное употребление вроде бы возможно, однако на самом деле перед нами – аккузативная форма существительного, местоименные перифразы возможны при аккузативе или генитиве, но не при номинативе:

(6) английский

- a. ***He** doing his job made me want to do mine.
- b. **Him** doing his job made me want to do mine.
- c. **His** doing his job made me want to do mine.

От того, что он делал свою работу, мне захотелось выполнить мою.

Итак, подлежащее английского герундия не может выражаться номинативом. Единственное исключение – так называемые абсолютные номинативные конструкции [30]:

(7) английский

Roddy tried to avoid Elaine, **he** being a confirmed bachelor. [30]

Будучи убежденным холостяком, Родди старался избегать Элейн.

Отметим другое свойство субъектов английского герундия – различие в дистрибуции герундиев с нулевым и выраженным субъектом. Два данных типа герундиев демонстрируют определенное сходство внутренней структуры, но различаются, например, тем, что в некоторых предложных употреблениях с временной семантикой разрешен лишь нулевой субъект, но не аккузативное или генитивное подлежащее (примеры 8a, 8b). Кроме того, в контексте дополнения некоторых глаголов также допустимы лишь невыраженные подлежащие (примеры 8c, 8d):

(8) английский

a. We left [_{CP} after (*he / *them) baking the pie]. [18]

Мы ушли после приготовления пирога.

b. Sam has left since *him / PRO telling a story. [23]

Сэм ушел после того, как рассказал историю.

c. I began *my / *his / PRO writing the dissertation. [23]

Я начал писать диссертацию.

d. I avoided *my / *his / PRO bumping into her. [23]

Я избегал того, чтобы с ней сталкиваться.

В ряде случаев наблюдается обратная ситуация. Так, в примере ниже возможно употребление местоимения, но не PRO, что объясняется отсутствием структурного приоритета:

(9) английский

His₁ / *PRO₁ having shaved already shows that Mary arrived more than 5 minutes after John₁ did. [28]

То, что он был побрит, говорил о том, что Мэри пришла на пять минут позже, чем Джон.

Таким образом, английский язык демонстрирует ряд контекстов, разграничивающих употребления герундиев с выраженным и нулевым субъектом.

Другое важное синтаксическое свойство деепричастий, которое, на первый взгляд, представляется очевидным, состоит собственно в отсутствии финитности. Действительно, сентенциальным сирконстантом могут быть как деепричастия, так и финитные зависимые клаузы, и различие между ними состоит, прежде всего, в том, что деепричастия лишены лично-числового согласования и (эксплицитно выраженной) временной референции.

Мы можем указать следующие свойства, постулирующие деепричастие как самостоятельную нефинитную форму:

- (10) 1) образуют зависимую клаузу;
- 2) оформленная деепричастием клауза вводит предшествующее или одновременное основному действию событие и играет роль обстоятельства в главной предикации;
- 3) предикации с деепричастиями лишены лично-числового согласования;
- 4) предикации с деепричастиями не имеют собственного временного значения;
- 5) употребление фонологически выраженного подлежащего либо невозможно, либо определенным образом ограничено.

Если финитность в принципе является релевантным признаком в некотором языке¹, то данный набор свойств либо а) соответствует некоторой нефинитной глагольной форме (русский), либо б) соответствует некоторому дистрибутивному классу употреблений одной из нефинитных форм языка (английский бесподлежащий герундий).

Таково определение деепричастия в функциональных терминах, что же касается синтаксического статуса проекций, возглавляемых ими, то тут существуют различные варианты анализа: одни исследователи признают

¹ Например, в китайском языке, где нет грамматических категорий времени и лично-числового согласования, финитность нерелевантна.

деепричастные клаузы TP (либо vP) [28]; в то время как другие – CP [18] и др. С точки зрения данной работы вопрос о точном расположении деепричастной вершины не является принципиальным, и мы без специального обсуждения примем последнюю точку зрения. Существенным представляется то, что синтаксическая структура клаузы, возглавляемой деепричастием, не предполагает выражения подлежащего в том виде, как оно возможно в финитных клаузах. Т.к. за лицензирование подлежащего обычно считается ответственным признак финитности, связанный с лично-числовым согласованием, мы будем считать, что деепричастная форма соответствует вершине C{-fin}.

Источники происхождения деепричастий

Исторически английский герундий восходит к суффиксам отглагольных имен *-ung*, *-ing*, объединившимся с причастным суффиксом *-ende*- [24]. Отглагольные имена на *-ung*, *-ing* [24] представляли собой существительные с точки зрения всех релевантных свойств: возглавляемые ими проекции имели дистрибуцию именных групп, а их внутренний синтаксис предполагал присоединение прилагательных и генитивных групп:

- (11) ДР.-АНГЛ. Alfred: Bede, VII–VIII вв. [24]
 in leorn-ung-e haligr-a gewrit-a
 в изучать-Nmn-DAT святой-GEN писание-GEN
в изучении Священного Писания

Еще с древнеанглийского периода происходит слияние отглагольного имени с причастием настоящего времени на *-ende*-, что приводит к морфологической регулярности новообразованной формы. Периодизация дальнейших процессов выглядит примерно так: около 1200 г. засвидетельствованы первые употребления наречий, около 1300 г. – первые (неомонимичные) употребления герундия с прямым объектом:

- (12) ДР.-АНГЛ. [27]
 In ordaining of prest-es and clerk-es
 в планировании GEN священник-Pl и служитель-Pl
 And in casting kirc werk-es
 и в планировании церковь работа-Pl
... в организации священников и служителей и в планировании церковных работ

В 1417 г. засвидетельствовано первое употребление пассива, примерно 1580 г. датируется первое зафиксированное употребление вида (*after having failed*) [24].

Преобразованию внутренней структуры из именной в глагольную, т.е. аналогичную той, что есть в глагольных группах, способствовала омонимия некоторых прилагательных и наречий, частичная омонимия падежных форм, исчезновение морфологических падежей и т.д.

Согласно Т. Фанего, в момент появления первых примеров герундия со свойствами глагольной группы наступает актуализация, т.е. в языке появляется новая, прежде не отмеченная, синтаксическая конструкция [24]. Актуализация происходит после реанализа и, по мнению некоторых авторов, в отличие от реанализа является постепенным процессом [25].

Достаточно хорошо описана и история образования русских деепричастий [3; 12] и т.д., также существуют специальные исследования данной проблемы [3; 8; 13]. Источником деепричастий послужили краткие формы действительных причастий. Прежде всего это были формы им.п. ед.ч. м.р. на -а и -я (первая заменялась второй) и ж.р. на -учи/-ачи/-ячи, образовывавшие причастия настоящего времени, и формы им.п. на -въ(ши), образовывавшие причастия прошедшего времени.

В примере ниже отмечены формы кратких причастий, возглавляющие причастный оборот, примыкающий к своему логическому субъекту (*перебродяся; испросивъше*) или достаточно удаленный от него (*хотяще, имъ*):

(13) др.-рус., XIII в.

Тѣгда же Мѣстиславъ [перебродяся (Prt.Prs) Днѣпрѣ], прѣиде в 1000 вои на сторожи татарьскыя, и побѣди я, а прокъ ихъ въбѣже съ воеводою своимъ Гемябѣгомъ въ курганъ Половчѣьскыи, и ту имъ не бы мочи, и погрѣбоша воеводу своего Гемябега жива въ земли, [хотяще (Prt.Pst) животь его ублюсти]; и ту и налезоша, [испросивъше (Prt.Pst)] Половци у Мѣстислава, и убиша и.

Тогда же Мстислав, перебродив Днепр, пришел с 1000 воинов к татарским полкам, и победил их. Оставшиеся татары с воеводой своим Гемябеком (Ганибеком?) убежали на Половецкий курган, и не было им тут помощи. И зарыли они воеводу своего Гемябека живого в землю, желая сохранить ему жизнь. Но здесь его нашли половцы, испросив его у Мстислава, и убили его.

В дальнейшем происходило рассогласование с подлежащим в числе, роде и падеже, что привело к переосмыслению показателей -а/-я, -учи/-ачи/-ячи, -въ(ши) в деепричастные. Ниже приведены примеры употребления -и вместо окончания им.п. мн.ч. -е и рассогласования в роде: форма м.р. *возмѣ* используется для подлежащего ж.р.

(14) ср.-рус.

Казанский летописец, XVI в. [21]

... по своей воли живущи и сами собой властвующе и никому же покаяющихся

(15) др.-рус.

Моск. гр. 1388 [3, с. 354]

А дастъ ми Богъ сына, и Княгиня моя подѣлитъ его, возмѣя по части у большѣиъ его братѣи.

По мнению J.I. Bjørnflaten, нарушение согласования наблюдается начиная с XIV в. [21], а к XVI в., по данным Т. Джангобековой [5], несогласованных форм становится уже около половины (47%). С другой стороны, для древненовгородского диалекта А.А. Зализняк утверждает, что «уже в ранне-др.-р. период в живой речи такие причастия утратили согласование (и, следовательно, превратились в чистые деепричастия) во фразах, где их агенс входил в состав главного предложения, но не в качестве подлежащего, а в качестве второстепенного члена» [7, с. 184].

Итак, деепричастные употребления английского герундия восходят к отглагольным существительным (и отчасти – причастиям), а русское деепричастие – к кратким действительным причастиям.

Особенности образования деепричастий в русском языке

Чтобы исчерпывающе описать структуру исходных конструкций, необходимо понять: 1) каков синтаксический статус проекции с интересующей нас формой, 2) какова ее функция в матричной предикации, 3) что является в ней подлежащим и как оно выражается.

В отличие от современного русского, в котором предикативное употребление действительных причастий затруднено [2], древнерусский допускал предикативное употребление, при этом действительные причастия могли употребляться как самостоятельно (пример 16), так и со связками (пример 17). Присвязочное употребление регулярно встречается с причастиями настоящего времени и редко – с причастиями прошедшего [9, с. 17–21].

(16) др.-рус.

[14]

а. избивахуть Суждалци. по городомъ и по селомъ. А товаръ ихъ грабяче

*б. не противу же Ростиславичема. бяхуться Володимѣрци. но не **хотяче** покоритися Ростовъцемъ. и Муромъце(м)*

*с. то слышавши Олговичи. Всеволодичъ. С(вя)тославъ. обрадова-
шася. аки не **въдоуше**. Б(о)жия казни*

*д. иже просвъти Рускую землю акы с(ъ)лнце луча **пущая***

(17) др.-рус.

[9, с. 18]

*а. **суть** же (Грьци) хитро **сказующе**...*

*б. ... **быша** три солнца **сѣяюще** межѣ собою, а столпы три **сто-
яще** от земли до небеси.*

*с. Послахъ отрокъ свои в Печеру, люди, яже **суть** дань дающе Новугороду.*

*д. Аще ли **будете живуще** в распрахъ ...*

Возможность употребления связки свидетельствует о наличии функциональной вершины, ответственной за выражение времени, т.е. T(I). О возможности образования деепричастной клаузой проекции уровня СР говорит их способность присоединяться к главному предложению при помощи сочинительного (примеры 16а, 16b) или подчинительного (примеры 16с, 16d, 17d) союзов, а также употребление с местоимениями, задающими относительные предложения (пример 17с).

То, что причастные клаузы могли иметь тот же уровень проекции, что и финитные предложения, с которыми они образовывали сложную предикацию, подтверждается, например, симметричными конструкциями с повторяющимися сочинительными союзами:

(18) др.-рус., новгородский диалект XII в. [3, с. 351]
*а нынѣ **вода** новоу женоу, а мѣнѣ не **вѣдасть** ничѣто же*

Важным наблюдением, сделанным в работе А.В. Сахаровой, является то, что причастные клаузы, как правило, соответствовали не основным, а фоновым событиям повествования, т.е. обозначали «ситуации, одновременные событиям основной последовательности или иным образом хронологически на них накладывающиеся» [13, с. 5]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что исходные для деепричастий конструкции имели семантику, которая предполагала их употребление в обстоятельственной функции.

Что касается подлежащего в исследуемых причастных клаузах, то оно чаще всего совпадало с подлежащим главной клаузы и не получало фонологической реализации: «В целом, однако, конструкция с несовпадающими подлежащими является для берестяных грамот редкостью» [8, с. 182]. При этом, как показано в исследовании А.В. Сахаровой, для текстов Новгородской первой летописи (XI–XIV вв.), фонологически выраженные подлежащие в составляющих, возглавляемых причастиями, встречаются хоть и не часто, но достаточно регулярно, ср.:

(19) др.-рус. [13]
*Нѣ преблагыи Богъ не **хотѣ** смерти грѣшникомъ: на томъ холмѣ церкви святого Василиа **есть**, якоже послѣди скажемъ.*

В примерах типа 19 причастие употреблено без связки и имеет собственное подлежащее, из чего можно заключить, что на определенном этапе развития языка действительные причастия в подобных предикациях могли быть единственной глагольной формой. Можно предположить, что конструкции, в которых связка оставалась невыраженной, были одним из этапов

реанализа. Причастные формы переинтерпретировались как находящиеся в позиции вершины главного предложения. При этом, будучи лишены признаков финитности (лично-числовое согласование, время), они были неспособны проверить признаки лица, числа и падежа у подлежащих.

Как следует из исследования А.В. Сахаровой, если клауза с причастным оборотом имела собственное выраженное подлежащее, на него обычно накладывались определенные семантические и/или структурные ограничения [13]. Семантически такие подлежащие чаще всего были обозначением стихийных сил, времени (года, суток,...) и т.д., а структурное ограничение состояло, как правило, в употреблении дательного самостоятельного (для примеров ниже выполняются оба требования):

(20) др.-рус. [13, с. 105, 189]

- а. *Заутра же, солнцу **въсходящу**, внидоша (крестоносцы) въ святую Софѣю, и одраша двери и расъкоша*
- б. *...и постиже я и бися с ними. и абие **приспѣвши** нощи, и отступиша въ островъ далече, а Емь на брезъ с полономъ*

Примечательно, что похожая семантическая закономерность наблюдается с тюркскими конвербами на *-n*: будучи односубъектными, они позволяют разнособъектные употребления либо при условии, что подлежащие соотносятся как «часть–целое», либо если подлежащие представляют собой силы стихии и природы (см. пример 5). Можно предположить, что подобные «псевдосубъекты» допустимы в контекстах, не вполне легитимных для «правильных» подлежащих, по той причине, что они лишены полного набора ф-признаков¹ и являются «неполноценными» подлежащими, похожими по своим свойствам на эксплетивные нулевые подлежащие, встречающиеся в ряде языков при выражении того же значения, ср. рус.: *Светало, Горит* и т.п.

Возвращаясь к древнерусскому, заметим, что подлежащее причастной конструкции могло и оставаться невыраженным, и не совпадать с субъектом главной клаузы:

(21) др.-рус., XII в. [7, с. 182]

- и быс леть въ переяславцехъ, **рекоуче** (а именно, они говорили): «Гюрги ...»*

В примере 21 логическим субъектом причастия *рекоуче* оказывается локативная ИГ *въ переяславцехъ* (отметим также рассогласование). Для

¹ В минимализме под ф-признаками понимаются признаки лица и числа, проверка ф-признаков происходит в вершине Т/І. В результате этого данная функциональная вершина освобождается от неинтерпретируемых признаков, что является необходимым условием успешной деривации. Формы типа *светало* и т.п., очевидно, не выражают значения лица (и, возможно, числа), и, стало быть, лишены соответствующего признака.

причастного оборота вполне естественно не иметь собственного подлежащего и служить определением к косвеннопадежной ИГ.

Как указывается в работе А.В. Сахаровой, «если же подлежащее данной предикации не совпадает при этом с подлежащим предикации нарративной последовательности, обозначающей одновременную ситуацию, используется чаще всего дательный самостоятельный» [13, с. 188]:

(22) др.-рус. [13, с. 105, 196]

*В лѣто 6574. Ростиславу **сущю** Тмутороканю и **емлющю** дань у Касогъ и у иныхъ странъ, сего же убоявшеся Грѣци, послаша с лестию катопана.*

Здесь мы подходим к вопросу о синтаксической роли причастных клауз в матричной предикации. Прежде всего, можно упомянуть отмеченные выше сочиненные (примеры 16а, 16b) и подчиненные (16с, 16d; 17d) предикативные употребления. Добавим, что достаточно регулярно причастные клаузы, задающие события, предшествующие моменту основного действия или одновременные с ним, выносятся в начало предложения, см. ниже примеры с дательным самостоятельным:

(23) др.-рус., XIII в. [13, с. 94]

*а. Тому же лѣту **исходящу**, на весну ходи Романъ с новгородци к Торопцу.*

*б. Тому же паки лѣту **исъходящу**, и съсылахуса новгородци къ Всеволоду посадника дѣля Мирожки и Иванка и Фомѣ*

Другим регулярным способом употребления причастных клауз является определительный оборот, относящийся к именной (пример 21, 24) либо местоименной (пример 25), вершине:

(24) др.-рус., XII в. [7, с. 184]

*даи Богъ ѿго молитвоу въсѣмъ хръстіяном и мнѣ хоудомоу Наславу, **правици** ѿго орудия въ правдоу*

(25) др.-рус., XII в. [14]

*и оупадоша олговичемъ в ручѣ и тако изымаша гъ. **держаше** стягъ Ярополчъ*

Как видно из примеров 23–25, причастные клаузы часто располагаются либо в начале предикации, к которой они относятся, либо в конце. Препозиция часто связана с выражением фоновых или предшествующих событий, а причиной выноса вправо является, скорее всего, синтаксическая «тяжесть» составляющих. Так или иначе, невложенное расположение причастных клауз способствовало их интерпретации в качестве клаузалных адьюнктов.

В таких конструкциях причастные определения, вероятнее всего, проецируют не полную CP, а некоторую PartP, ср. грамматичность причаст-

ных перифраз в современном русском (*дай Бог его молитвою всем христианам и мне, ничтожному Наславу, исправляющему его дела; и попали Олеговичам в руки и так поймали их, держащих стяг Ярополков*). Отметим здесь важный случай синтаксической омонимии, которая, как известно, играет принципиальную роль в грамматических изменениях [30]. Предложения типа 16d имели в древнерусском три синтаксически возможных прочтения (16d', 16d'' и 16d'''), расположенных в порядке убывания их (семантической) достоверности:

(16) ДР.-РУС. [14]

d. *иже просвѣти Рускую землю акы с(ѣ)лнце луча **пушая***

d'. *иже просвѣти Рускую землю* [_{CP} акы с(ѣ)лнце луча *пушая*]

d''. *иже* [_{VP} просвѣти Рускую землю [_{DP} акы с(ѣ)лнце]_i] [_{PartP} PRO_i луча *пушая*]

d'''. *иже*_k [_{VP} просвѣти Рускую землю [_{DP} акы с(ѣ)лнце]] [_{PartP} PRO_k луча *пушая*]

В процессе развития деепричастных форм единственно возможным субъектом в них стало подлежащее главного предложения, как в варианте 16d'', а синтаксический уровень проекции закрепился такой же, как в варианте 16d' – CP.

Рассмотрим пример 26. Субъект у предложения с «нормальным» (выраженным перфектным причастием) сказуемым отсутствует, или, вернее, выражается *pro*, а в причастной клаузе – представлен, т.е. ситуация обратна той, что мы наблюдали в примере 21:

(26) ДР.-РУС., XII в. [7, с. 182]

*се Жадъке **пославъ** абетника дова, и пограбила ма въ братни долгъ*

Необязательность фонологического выражения подлежащего в финитных клаузах приводила к тому, что бесподлежащие причастные обороты могли восприниматься как CP. Невыраженность связи делала необязательным согласование в лице и числе и проверку падежных признаков. Малое *pro* таким образом могло восприниматься как PRO большое. Схематически переход от полноценных CP к нефинитным клаузам с обязательным отсутствием подлежащих (или, что то же, с обязательным наличием PRO) можно изобразить следующим образом:

(27) ДР.-РУС.

a. [_{CP} Su ... Be_{fin} ... V_{Part} ...]

b. [_{CP} pro ... Be_{fin} ... V_{Part} ...]

c. [_{CP} pro ... Ø_{fin} ... V_{Part} ...]

d. [_{CP} PRO ... Ø_{fin} ... V_{Part} ...]

Суммируем то, что нам удалось установить о причастных клаузах, из которых образовывались русские деепричастия:

- (28) 1) могли иметь собственный субъект, но чаще были лишены его;
 2) если субъект был выражен, причастие не могло проверить признаков лица, числа и падежа;
 3) при наличии подлежащего оно часто было представлено именами, обозначающими силы природы, либо вся клауза оформлялась как дательный самостоятельный;
 4) причастные клаузы часто располагали тем же уровнем проекции, что и финитные предикации, СР;
 5) синтаксически причастные клаузы регулярно адъюнгировались к матричной предикации или одному из ее участников и располагались в абсолютном начале или конце матричной предикации;
 6) семантически клаузы с причастиями обозначали второстепенные с точки зрения основного повествования события, которые, следовательно, не требовали независимой временной референции.

Свойства 1–3 предопределили дальнейшее употребление деепричастий с нулем подлежащего, а свойства 4–6 – их использование в функции клаузалных адъюнктов. В рамках дескриптивной лингвистики дальнейшая кристаллизация свойств деепричастий может объясняться тем, что некоторые их употребления были более частотными, следовательно, свойства, которые встречались менее регулярно, просто исчезали: «Генетической связью современного деепричастия с причастными формами объясняется недопустимость использования независимого деепричастного оборота типа “Подъезжая к станции, с меня слетела шляпа.” Как историческое причастие, деепричастие *подъезжая* должно быть связано и с именем, обозначающим действующее лицо (*с меня – я*), и с глаголом, обозначающим производимое им действие (*слетела*)» [8, с. 84].

Подход с позиции теоретической лингвистики (неважно, типологической или формальной парадигмы) предполагал бы обратное: если есть универсальные закономерности, наблюдающиеся даже в генетически несвязанных языках, мы ожидаем, что деепричастие – некоторая устойчиво повторяющаяся в разных языках конструкция, к образованию которой приводят свойства человеческого языка как явления, а не конкретные факты истории определенных языков.

Современное русское деепричастие, действительно, субъектноориентировано, но изредка допускает и несубъектный контроль – это вполне могло бы быть наследием причастных клауз, из которых оно происходит. Подобная логика, однако, предполагала бы и способность, пусть и маргинальную, выражения деепричастиями собственного субъекта. Однако

контраст между «неграмматичностью» предложений с несубъектным контролем (пример 29) и предложений с разнособъектными деепричастиями (пример 30) очевиден. Точно также с современными деепричастиями абсолютно неграмматичны сочинительные и подчинительные союзы, которые были допустимы в древнерусском (пример 31):

(29) русский [17, с. 331]

Получив данные, будет выбран самый благоприятный момент для нанесения удара.

(30) русский

**Ученые / *ученым получив данные, будет выбран момент для удара.*

(31) русский

**Когда / *И получив данные, будет выбран момент для удара.*

Таким образом, объяснить свойства современных конструкций «параллельным переносом» грамматической системы (остаются те же свойства, но в иных пропорциях) из предыдущего состояния в настоящее не удастся. Свойства грамматических форм не есть результат удаления от одного какого-либо грамматического состояния, в нашем случае – древнерусского причастия, но и приближения к некоторому другому, т.е. тому, которое регулярно в языках мира представлено в виде деепричастий, конвербов и т.д.

Подобным полюсом, к которому приближались русские конструкции с деепричастиями, является грамматическая форма, обладающая свойствами, перечисленными нами выше в разделе «Что такое деепричастие?» (10). Из этих свойств наиболее важное влияние на процесс грамматикализации оказывает третий, предписывающий предикациям с деепричастиями отсутствие финитности (лично-числового согласования и признака времени).

Иными словами, если исходить из того, что одни и те же грамматические свойства деепричастий (10), повторяются от языка к языку случайно, а представлены в грамматике человеческого языка как некоторый набор признаков, из которого каждый язык на конкретном этапе развития выбирает определенную комбинацию, можно утверждать, что существует устойчивое сочетание признаков, выражающееся в отсутствии временной референции и лично-числового согласования. Именно к такому сочетанию как некоторому полюсу притяжения и стремились конструкции с русскими причастиями, а причинами, способствовавшими достижению этого состояния, явились исходные свойства причастных клауз (28). В частности, отсутствие выраженного субъекта и связки приводило к уподоблению этих конструкций нефинитным конструкциям с

PRO, а употребление их для выражения фонового действия – к приобретению роли клаузалного адьюнкта.

Примечательно, что причастно-деепричастная форма, подобная той, что была в древнерусском, наблюдается и в других языках. Так, осетинский располагает формами на *-гæ*, которые имеют одновременно атрибутивную и обстоятельственную дистрибуцию:

(32) ОСЕТИНСКИЙ

[1, с. 612]

a. судз-гæ сырагъ

гореть-Сопv свеча

горящая свеча

b. уæрдоныл бад-гæ æрбацæйцыди

подъезжал сидеть-Сопv на арбе

Он подъезжал, сидя на арбе.

Похожая на древнерусскую ситуация наблюдается также в хинди [15] и в ряде других языков.

Представляется достаточно вероятным, что развитие деепричастных употреблений у причастных форм происходило по схожему сценарию: отсутствие признаков финитности у причастий и их употребление в роли адьюнкта или вторичного предиката приводило к закреплению за ними свойств, характерных для деепричастия – использование в роли адьюнкта клаузы и обязательное отсутствие фонологически выраженного субъекта.

Особенности образования английского герундия

Напомним, что согласно Т. Фанего английский герундий приобретал глагольные качества в следующем порядке: сначала появилась способность модифицироваться наречиями, затем – присоединять прямой объект, после этого развились пассивные и затем видовые значения [24]. Интересным в данной последовательности представляется то, что явно прослеживается направление развития структуры: «изнутри», т.е. от V, которое связано с наречной адьюнкцией и вставлением прямого объекта – «наружу», к v, также ответственному за прямой объект, но еще и за образование пассива, и далее – к AspP, которая, как принято считать, доминирует над vP [22].

Как утверждает Т. Фанего [24, р. 26, 37], первыми наращивать глагольную структуру начали те формы отглагольных существительных, которые, во-первых, употреблялись без определенных местоимений и посессора и, во-вторых, использовались в контексте предложных групп. Можно предположить, что за предложными группами с отглагольными часто стояло выражение временных интервалов и фоновых событий, ср.:

(33) СР.-АНГЛ.

[24, p. 10, 24]

- a. *yn feblyng þe body with moche fastyng*
in weakening the body by too much abstinence
в ослаблении тела чрезмерным постом
- b. *Vnder þy Monument ȝeo stod wipoute wepyng sore*
she stood close to the supulchre without weeping bitterly / without
bitter weeping
она стояла рядом с надгробием без горького плача

Как представляется, именно в данных контекстах исходные именные группы с отглагольными существительными обладали внешним сходством с будущими конструкциями, содержащими PRO и глагольную структуру. Здесь мы принимаем вариант анализа, при котором *-ing* располагается в вершине I [18; 20], однако точное расположение данного показателя в современном английском (C/I) непринципиально.

(33') от др.-англ. отглагольного имени к английскому герундию

- a. [_{DP} [_{NP}]-ing]
- b. [_{CP} PRO [_{IP} [_I -ing] [_{VP} [_{VP}]]]

Поверхностное сходство двух конструкций, архаичной и инновационной, приводило к синтаксической омонимии, которая, как известно, является (необходимым) спутником реанализа [31]. Важно при этом, что на определенном этапе истории английского языка, когда формы на *-ing* еще не развили (полноценной) способности присоединять глагольную группу и клаузуальную оболочку, вариант анализа, в котором такая структура присутствует, уже имелся в сознании говорящего, что и приводило к переинтерпретации (33'a – в 33'b). Но если структура b не была представлена среди поверхностных структур английского языка того времени, значит, она существовала в сознании носителей благодаря тому, что представлена в некотором универсальном наборе структур, доступном любому человеку.

Что касается способов кодирования подлежащего в формах на *-ing*, то они долгое время ограничивались генитивом: «Subject argument in nongenerative form occurred sporadically from Late Middle English, but remained very rare for a long time afterwards ...» («Субъектный участник в негенитивной форме встречался спорадически с периода раннего среднеанглийского, но остался крайне редкой формой впоследствии») [24, p. 9]. Аккузативные подлежащие начинают регулярно встречаться в текстах лишь в XVI–XVII вв. [19].

Данный факт вполне вписывается в картину «нарастания» структуры по направлению от лексической проекции, V, к максимальной функциональной проекции, C. У прежнего способа кодирования подлежащего при помощи спецификатора именной проекции (= посессивного генитива) появляется альтернатива в виде аккузатива. Согласно наиболее распрос-

траненной точке зрения, подобное аккузативное подлежащее в нефинитных конструкциях лицензируется внешней по отношению к СР с герундием вершиной, прежде всего – глаголом или предложением [18; 30]:

(34) АНГЛИЙСКИЙ [30]

a. *The architects_j favored [them_{*j} being placed upon the investigations committee].*

Архитекторы_j одобрили их_{*j} включение в исследовательский комитет.

b. *John_j counted on [him_{*j} being elected]*

Джон_j рассчитывал на его_{*j} избрание

Подобный «нефинитный» статус аккузативных подлежащих в английском подтверждается рядом свойств, отличающих их от генитивных субъектов. Например, в то время как вопросительный вынос внутреннего участника из клауз с аккузативным субъектом грамматичен, существует запрет такого выноса из генитивных конструкций.

(35) АНГЛИЙСКИЙ [23, p. 26]

a. *We remember **him** describing Rome.*

Мы помним его описание Рима.

b. *What city_i do you remember **him** describing t_i?*

*Какого города вы помните его описание?

(36) АНГЛИЙСКИЙ [23, p. 26]

a. *We remember **his** describing Rome.*

Мы помним его описание Рима.

b. **What city_i do you remember **his** describing t_i?*

*Какого города вы помните его описание?

Предикации с PRO объединяются в данном случае с аккузативными клаузами:

(37) АНГЛИЙСКИЙ

a. *He avoided PRO bringing up statistics on past elections.*

Он избегал упоминания статистики по прошлым выборам.

b. *What statistics_i did he avoid bringing up t_i in this speech?*

*Какой статистики он избегал упоминания в своей речи?

Внешняя дистрибуция двух данных типов герундия во многом схожа, ср., например, употребление в функции адьюнктов, возглавляемых послелогом, в следующем примере:

(38) АНГЛИЙСКИЙ

a. *Before PRO leaving, we all had a party.*

Перед отъездом у всех у нас была вечеринка.

b. *Before him leaving, we all had a party.*

Перед его отъездом у всех у нас была вечеринка.

Несмотря на то, что как внешний, так и внутренний синтаксис аккумулятивных герундиев и PRO герундиев совпадает не полностью, их объединяет важное общее свойство: и тот, и другой присваивают семантическую роль своему логическому субъекту. Так, пример 39а не предполагает конкретного ныряльщика и события ныряния. В то же время примеры 39b, 39c подразумевают, что некоторый определенный субъект был участником некоторого акта грациозного ныряния, а разница между предложениями 39b и 39c в том, что данный субъект в примере 39b кореферентен субъекту главной клаузы, а в предложении 39c выражен прономиналом и не имеет антецедента в предложении:

(39) АНГЛИЙСКИЙ

a. *I enjoy graceful diving.* [23, p. 28]

Я наслаждался грациозным нырянием.

b. *I enjoy [PRO diving gracefully].* [23, p. 28]

Я наслаждался грациозным нырянием (ныряя грациозно).

c. *I enjoyed [her diving gracefully].*

Я наслаждался ее грациозным нырянием.

Итак, в двух данных типах герундия присутствует субъект, причем такой, ф-признаки которого не могут быть проверены.

Можно утверждать, что изначальные конструкции с отглагольными именами семантически были эквиваленты примеру 39а – синтаксический субъект (PRO) в них отсутствовал. Мы не располагаем точными данными о времени появления в английском языке конструкций с PRO-герундием, однако можно предположить, что оно примерно совпадает с временем образования аккумулятивной конструкции.

Таким образом, оба типа субъектов, аккумулятивный и PRO, подтверждают направленность «нарастания» внутренней структуры от ядра к периферии: после того, как внутреннее клаузальное наполнение новообразованных герундиев последовательно «доросло» до определенного уровня проекции, появилась возможность выражения («дефектных») подлежащих.

Закключение: общие закономерности в эволюции деепричастий

Направление грамматических изменений внутренней структуры (будущих) деепричастий было противоположным в русском и английском. В то время как предикации с русскими причастиями утрачивали часть свойств финитных СР – способность выражать подлежащее, включать сочинительные и подчинительные союзы, иметь самостоятельную временную референцию и т.д., английский герундий, напротив, развивался в направлении от V к С. Можно сказать, что в русских (дее)причастных

клаузах исчезало финитное *C*, в то время как в английских клаузах с герундием появлялось нефинитное.

В наблюдении за историей развития деепричастий представляются важным два аспекта: нефинитность и *PRO*. Нефинитность – то, что объединяет обе исходных структуры, русские причастия и английское отглагольное существительное. Нефинитность была отправной точкой развития деепричастных форм в обоих языках и предопределила набор употреблений, частично специфический, частично совпадающий у данных конструкций в двух языках. Главное общее свойство, способствовавшее образованию формы, специализирующейся в роли клаузного адьюнкта, – обстоятельственное употребление при передаче предшествующего либо фонового события. Морфосинтаксические особенности этого употребления в русском и английском языках отличались: в русском они представляли собой причастные адьюнкты к *VP*, клаузе или именной группе, а в английском – предложные группы.

Примечательно, что правила внешней дистрибуции – как раз то, что во многом сохранилось в каждом из языков и что отличает их друг от друга: русские деепричастия в отличие от английских герундиев никогда не употребляются в контексте предлогов или в аргументных позициях, не оформляют сентенциальных актантов и т.д.

Что касается второго важного аспекта развития деепричастных свойств, *PRO*, то он явился инновационным для каждого из языков. Располагая различными отправными точками в своем развитии, русское деепричастие и английский герундий сошлись в одной общей конечной точке – в их способности проецировать структуры с фонологически невыраженным аргументным участником, *PRO*. Сам факт «попадания» в общую конечную точку из разных начальных говорит о детерминированности грамматических процессов и объективной реальности универсальной грамматики.

Интересной закономерностью представляется то, что мы не наблюдаем развития деепричастных (других нефинитных) форм из финитных. Действительно, если отталкиваться лишь от частотности употребления некоторых глагольных форм при оформлении зависимых предикаций, вполне вероятным источником представлялись бы, например, наиболее частотные зависимые формы третьего лица. Но мы не наблюдаем подобных трансформаций – нефинитные формы легко переходят одна в другую, но не образуются из финитных. Как представляется, данное наблюдение говорит о том, что нефинитность не является лингвистическим артефактом, а обладает определенной реальностью, в первую очередь, благодаря наличию *PRO* в универсальном лексиконе.

Свойства PRO несколько отличаются в русском и английском: русский язык допускает в основном лишь субъектный контроль, в то время как английское PRO может контролироваться из других синтаксических позиций [23]. Можно предположить, что русские нефинитные употребления причастий эволюционируют несколько дольше, чем английский герундий, которому еще только предстоит развить субъектную ориентированность в контекстах с PRO. Однако такой сценарий совершенно необязателен: возможно, субъектная ориентированность является таким же параметром варьирования в типологии деепричастий, как и разнотелность. Подобная внутридеепричастная параметризация требует отдельного исследования.

Библиографический список

1. Абаев В.И. Грамматический очерк осетинского языка. Орджоникидзе, 1959.
2. Богданов А.В. Семантика и синтаксис отглагольных адъективов в русском языке: Дис. ... канд. филол. наук. МГУ, 2011.
3. Борковский В.И., Кузнецов П.С. Историческая грамматика русского языка. Изд. 3-е, стереотип. М., 2006.
4. Гаджиева Н.З., Серебренников Б.А. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Синтаксис. М., 1986.
5. Джангобекова Т. Краткие действительные причастия в «Истории о великом князе московском» А. Курбского: структура и функции // Науковий вісник Ужгородського університету. 2008. Сер. «Філологія». Вип. 18.
6. Ермолаева М. Деепричастия в рыбушкинском варианте мишарского диалекта. Отчет по итогам экспедиции МГУ в сел. Рыбушкино Нижегородской области. М., 2012.
7. Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М., 2004.
8. Киржаева В.П. Историческая грамматика русского языка. Саранск, 2010.
9. Ломтев Т.П. Из истории синтаксиса русского языка. М., 1954.
10. Неделков В.П. Основные типы деепричастий // Неделков В.П. Типология и грамматика. М., 1990. С. 36–59.
11. Пазельская А.Г., Шлуинский А.Б. Обстоятельственные предложения // Мишарский диалект татарского языка. Очерки по синтаксису и семантике / Под ред. Лютиковой Е.А. и др. Казань, 2007. С. 38–62.
12. Потенба А.А. Из записок по русской грамматике. Т. I–II. М., 1958.
13. Сахарова А.В. Синтаксис и прагматика причастного оборота в древнерусской летописи: критерии распределения предикаций на причастные и финитные в комиссионном списке новгородской первой летописи: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2007.
14. Седукова Н.А. Предикативное употребление действительных причастий настоящего времени в Киевской летописи: Доклад на конференции «Ломоносовские чтения–2013».
15. Сигорский А.А. Деепричастия в языке хинди // Филологические науки в МГИМО: Сб. науч. тр. № 21 (36). М., 2005. С. 54–63.

16. Татарская грамматика. Т. II. Морфология / Под ред. М.З. Закиева, Ф.А. Ганиева, К.З. Зиниатуллиной. Казань, 1993.
17. Тестелец Я.Г. Общий синтаксис. М., 2001.
18. Alboiu G. When CP domains are pro-Case // The Annual Meeting of the Canadian Linguistic Association. University of Western Ontario. London, May. 2005 // York University. URL: http://www.yorku.ca/galboiu/documents/CLA-05_001.pdf (дата обращения: 10.09.2013).
19. Alboiu G. A-Probes, Case, and (In)Visibility. 2010 // LingBuzz. URL: <http://ling.auf.net/lingBuzz/001163> (дата обращения: 10.09.2013).
20. Baker M. On Gerunds and the Theory of Categories. 2005. Ms, Rutgers University.
21. Bjørnflaten J.I. Grammaticalization theory and the formation of gerunds in Russian // Diachronic Slavonic Syntax. Gradual Changes in Focus / Hansen B. & Grković-Major J. (eds.). Munchen, Berlin, Wien, 2009. С. 19–29.
22. Cinque G. Adverbs and Functional Heads. A cross-linguistic perspective. NY, 1999.
23. Cornilescu A. Gerund Clauses // Complementation in English. A Minimalist Perspective. Bucharest, 2004. URL: <http://ebooks.unibuc.ro/filologie/cornilescu/14.pdf> (дата обращения: 10.09.2013).
24. Fanego Th. On reanalysis and actualization in syntactic change. The rise and development of English verbal gerunds // Diachronica. 2004. V. 21. № 1. № 5. P. 55.
25. Harris A.C., Campbell L. Historical syntax in cross-linguistic perspective. Cambridge, 1995.
26. Haspelmath M. The converb as a cross-linguistically valid category // Converbs in cross-linguistic perspective / M. Haspelmath & E. König (eds.). Berlin, 1995. P. 1–55.
27. Kurath H., Kuhn Sh.M. Middle English Dictionary: Part C. 3. Michigan, 1959.
28. Lebeaux D. Anaphoric Binding and the Definition of PRO // Proceedings of NELS14 / J. Charles & P. Sells (eds.). Amherst, 1984. С. 253–274.
29. Pires A. Clausal and TP–Defective Gerunds: Control without Tense // Proceedings of NELS 31 / M. Kim, U. Strauss (eds.). Amherst, 2001. P. 386–406.
30. Reuland E.J. Governing *-ing* // Linguistic Inquiry. 1983. № 14. P. 101–136.
31. Roberts I., Rousseau A. Syntactic Change. A Minimalist Approach to Grammaticalization. Cambridge, 2003.